

Ольга Бургасси

Ирис нежный

*Повесть о
Флоренции и
первой любви*

12+

Ольга Александровна Бургасси Ирис нежный. Повесть о Флоренции и первой любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732341

SelfPub; 2020

Аннотация

В повести, написанной флорентийский гидом Ольгой Бургасси, рассказывается о первой любви – к Флоренции и к мужчине, которая зарождается на фоне этого удивительного города. Ирина приезжает с бабушкой во Флоренцию, они знакомятся с ее знаковыми местами, обсуждают увиденное. В один из вечеров они встречают русского юношу Ивана, который становится их проводником в мир Тосканы.

У меня короткое дыхание. Может быть, поэтому я всегда предпочитала устный жанр – на уроках в школе и сейчас – когда стала экскурсоводом. Рассказать легче, чем записать, потому что есть много факторов, искупающих огрехи, – интонация, мимика, паузы, жесты. На письме же все должно быть выстроено в логической последовательности, по крайней мере, в прозе. Впрочем, есть спасительное бегство – стихи, глуповатая, по слову Пушкина, поэзия. В отличие от прозы, которая требует мыслей и мыслей. Поэтому до сих пор я ограничивалась стихами, короткими рассказами и научными статьями, которые здесь в счет как нон-фикшн.

Но вот теперь я решила написать повесть о тех событиях, которые когда-то произошли со мной в самом удивительном городе на земле и которые определили мою жизнь. Внешне ничего особенного не произошло: просто мы с бабушкой поехали во Флоренцию, и там я встретила с Ваней и Боттичелли. Эта история до сих пор ясно и живо стоит перед глазами, я вспоминаю ее, как какой-нибудь Адсон из моего любимого романа. «Роза при имени прежнем», нет, не роза, а ирис, как удивительно точно назвал Флоренцию Блок.

Вся история этого города связана с цветами, а цветы я люблю очень. Не знаю, из чего родилась эта любовь, но одно из первых моих воспоминаний связано с цветком – рука моя, маленькая и пухлая, тянется к одуванчику, потом еще к одному, и еще. И, хотя я всегда понимала ценность одного

цветка, то есть мне было достаточно этого количества, чтобы ощутить радость, все-таки в истинный восторг всегда приводили именно цветы охапками. Хорошо иметь веточку мимозы, иногда кидать на нее взгляд, отрываясь от работы за компьютером. Но лучше – мимозное дерево, мимозное облако. Для русского человека увидеть впервые настоящее, высокое дерево мимозы – это шок, который не проходит, не отступает даже по прошествии некоторого времени. В конце февраля, когда едешь по тосканским дорогам, то и дело видишь эти желтые пахучие шевелюры, колышимые ветром. Улыбаешься им и поражаешься, как чуду. И правда – чудо. У нас черные сугробы еще и не думали таять, а здесь такие солнышки на ножках. Причем никто не срывает веток, чтобы поставить дома, вот тебе дерево – любуйся.

Любуйся – это одно из главных слов в Италии, одно из главных требований, которое предъявляет она к путешественнику. Природа и искусство состязаются, а, может быть, сотрудничают в этом легком жанре – заставить, нет, даже не заставить, а просто добровольно отдать в безраздельное владение свое зрение, слух, обоняние, осязание и вкус этой волшебнице, этой Цирцее. Хотя нет, Италия – не Цирцея, ей от нас ничего не нужно. Она была и всегда будет. Будут цвести маки на тосканских лугах, веять сладкие ветры по весне, потому что в лесах цветет белая акация, нежно розоветь небо. Независимо ни от кого. Только от Бога, который одарил эту землю как никакую другую.

Цветы и Италия неотделимы друг от друга. Цветы являются самым наглядным выражением идеи яркости мира, может быть, поэтому итальянские художники так часто их рисовали. Роза, нарцисс или ирис – это тюбик с краской, идея чистого цвета, картина – букет, многоцветие, тройная радуга. Что лучше выразит яркость и красоту мира, чем они? Поэтому самой замечательной картиной для меня всегда была «Весна» Боттичелли. Этот цветочный ковер, сотканный из более двухсот видов растений, по которому шествует невероятно нежная девушка-весна в платье из цветов и которая своей гибкой рукой плавным движением рассыпает их, черпает бесконечно из своего передника, как из бездонного источника, как будто их еще недостаточно. Цветов много не бывает, как и радости. Я всегда говорю туристам, когда заканчиваю сложный разговор о значениях этой картины – политических, философских, если даже ничего этого не знать, можно просто стоять и практически вечно смотреть на эту радость, которую ему удалось изобразить. А ведь это очень много. Бесконечны разговоры о том, почему мы так любим Боттичелли, почему корзина у его могилы всегда полна записками, некоторые из них я читала, несмотря на то, что это нехорошо – читать чужие письма. Пишут трогательно, нежно именно об этом – о радости, которую он дарит. Есть художники, возможно, более великие, чем он – Леонардо, Микеланджело, но в их картинах есть все – совершенство, глубокое содержание, бесконечное мастерство, но радости – той,

которая освещает нашу жизнь, нет. Эту мысль, правда, не о Боттичелли, а о своем любимом художнике некогда высказал Гумилев, побывавший во Флоренции вместе с женой в 1912 году, мысль о том, что совершенство страшно. Этим художником был фра Беато Анджелико, а мысль Гумилева была в том, что так трогают картины монаха-доминиканца потому, что на всем, что он сделал, печать любви земной и простоты смиренной. Но в конечном счете, думаю, речь шла о радости, которая так и льется с его картин.

Радость Боттичелли другая. Если у Беато это радость соединения с Богом, осознание того, что Бог есть и Он добр, и добр созданный им мир, то у Боттичелли радость полноты бытия, радость созерцания красоты – женщин, природы, мужчин, любование их умом, их силой. И печаль, которая приходит тогда, когда эту радость отнимают. Отнимает смерть, фанатизм, изменившиеся политические обстоятельства и ты сам – изменивший и изменившийся.

Каждый видит, конечно, свое в его картинах. Для кого-то его печаль больше радости, для кого-то есть только она – красота, которая сама радость и есть. Когда-то этот трогательный и нежный человек вручил мне меня, помог мне понять, кто я есть и что хочу делать в этом мире. А его родной город, как и ему когда-то, подарил мне встречу с любовью.

«Посмотри сюда, милая».

Голос бабушки отрывает меня от созерцания нарисован-

ной на огромной доске женщины в удивительном платье – по ткани щедро разбросаны цветы, эта картина тревожит меня – что-то непонятное, почему у женщины рядом изо рта выходит какая-то ветка – единственный неприятный момент во всей картине, напоминая кошмары и съемки с места происшествия. Я делюсь своими впечатлениями с бабушкой, которая уже бодро подбежала ко мне с противоположного конца большого зала, где размещена часть коллекции Боттичелли. Бабушка и я не слышим, как фыркает молодая женщина на картине, та, что слева, как говорит соседке: «Нет, Вы представьте себе, – горячится она, – съемка с места происшествия, что за странная фантазия? Кое-что действительно произошло, но не здесь». Взгляд ее туманится и становится грустным. На минуту она забывается, но потом снова принимается разбрасывать цветы, которые переполняют картину, выливаются через край, затапливают цветным потоком залы Уффици, туристы бродят по колено в них, изнемогают от душного цветочного запаха, некоторые выхватывают отдельные цветки из этого потока, берут на память. Обнаженная Венера в другом зале обиженно поджала губы, и завидует соседке, слышится ее возмущенный шепот: «Вы подумайте, простая богиня цветения, Флора какая-то, а я – Венера, и все внимание ей». Она бросает взгляд вниз, делает движение, как бы стремясь поправить складки одежды, но видит, что никакой одежды нет. Венера смущенно прикрывается руками. Голос бабушки обрывает мою разбушевавшуюся

юся фантазию:

«Ну, что ты, милая. Надо просто понимать замысел художника и литературную основу картины. Надо уметь читать ее. Вот, смотри – просто это ветер Борей преследует нимфу Хлориду, хочет сделать ее своей женой, а когда это случается (щеки бабушки начинают слегка розоветь, как воздух на другой картине Боттичелли), он в благодарность обращается к богам, чтобы они превратили ее в богиню цветения Флору. Понимаешь теперь, в чем прелесть и необычность этого изображения – редчайший случай – Боттичелли гениально показывает превращение одного и того же персонажа во времени, а связью между ними как раз и служит эта цветущая ветка».

Бабушка всегда называет меня милая или деточка (хотя мне уже 16 лет), но почему-то не по имени, а мне так оно нравится – Ирина, мне чудится в нем что-то энергичное, как клич, выкрик. Да, да, я знаю, что в переводе с греческого мое имя означает «мир и покой». Тогда родители мои определенно ошиблись, более беспокойного человека, чем я, мне кажется, не существует. Даже если внешне я этого никак не показываю, внутри у меня все порой клокочет и булькает, как лава какого-нибудь мини-вулкана, мини-Этны, мини-Везувия. Беспокойнее меня, наверно, только бабушка – худенькая, с тоненькими ножками и ручками, немного а ла итальяна, потому что, как я успела заметить, у здешних синьор при наличии всех обильных женских форм могут быть

совершенно тоненькие ножи. Но у бабушки итальянских изобильных форм нет. Она худенькая и элегантная. Иногда я украдкой смотрю на нее – люблю, иногда смеюсь над ее старомодным пафосом. Вот и сейчас, стоит, ничего не видя вокруг, подбородок поднят, рука прижата ко рту, в глазах блестят слезы.

Впервые бабушка попала в Италию несколько десятилетий назад, когда был жив еще Советский Союз, а дедушка мой был «партийным функционером», работал в обкоме партии, и они в составе советской делегации ездили навещать итальянских коммунистов. И вот тогда-то ее любовь к Италии, которую она взращивала всю жизнь на занятиях со студентами (бабушка преподавала на родном худграфе Историю искусств), расцвела мощным цветом и стала выплескиваться и на меня с тех пор, как я стала что-то соображать. Мне постоянно показывались художественные альбомы, меня водили на выставки, мы с бабушкой читали о великих художниках. Но все это не рождало во мне надлежащего отклика, то есть не проходило бесследно, но это был не тот эффект, на который рассчитывала бабушка. Я не чувствовала Италии, не понимала ее прелести, в том числе и прелести языка, предпочитая в те годы – о ужас – сухость и оперативность английского.

И тогда у бабушки родился ЗАМЫСЕЛ. Повезти меня в Италию и там, на месте, поразить, убить меня ее красотой. Зачем ей это было нужно? Она всей душой желала, чтобы

я поступила в МГУ на искусствоведение. Я сопротивлялась, потому что была ленива, и мне не хотелось уезжать из моего тихого и уютного города, где мне было обеспечено поступление в педагогический институт и дальнейшая безбедная и развеселая студенческая жизнь.

Я жила с бабушкой. Дедушка наш умер в прошлом году, а родители пару лет назад уехали в Москву на заработки. Сначала было решено, что я останусь у бабушки только на время, пока они обзаведутся своим жильем, наладят быт. Но...потом так и повелось, что я осталась жить в нашем провинциальном городе, ездила к родителям в Москву или они приезжали к нам, и тогда мы ходили обедать в лучший ресторан в городе. Походы эти были для нас с бабушкой часто мучительны, когда с апломбом новых столичных жителей мои родители начинали придирчиво узнавать о составе блюд, насмехаться над тем, что в меню написано *тагliamentи* вместо *тальяментли*, в общем, демонстрировать вновь приобретенный якобы столичный лоск, как это часто бывает с жителями провинциальных городов, которые категорически перестают их устраивать, как только они перебираются в столицу, не понятно, как они вообще до этого здесь жили.

Бабушка решила воспользоваться приездом родителей весной, перед майскими, чтобы реализовать свой коварный план, в который я была посвящена лишь частично, то есть я знала, что бабушка хочет поехать со мной в Италию, но подоплеку этого события я не понимала. Итак, за ужином,

который происходил в нашей тесноватой общей комнате, которую бабуля на старый манер называла гостиной, она вдруг сказала: «Знаете, не хочу я умереть, не показав девочке Флоренцию». В воздухе повисло молчание, вызванное разными причинами. Я еле сдерживала смех от того, что бабушка советовалась со мной, как бы убедительней преподнести родителям свою просьбу, потому что – понятное дело – денег у нас с бабушкой на поездку не было – надо было просить у родителей. Папа окаменел потому, что сама мысль о бабушкиной смерти приводила его в ужас. А мама сделала паузу, чтобы немного успокоиться – свекровь временами сильно ее раздражала, и такое заявление не могло не подать благодатного повода. «И?» – наконец сказал отец, поднимая на нее свои светло-голубые, ее глаза. «И – дайте нам денег», – сказала бабушка. «Ну, допустим, – сказал отец, – а как же вы одни? Почему не с нами?» «Алексей, – сказала бабушка, – не будем ломать комедию, всем за этим столом прекрасно известно, что вы предпочитаете Турцию. И вовсе не из-за ее художественных сокровищ». Мама захохотала, так как, несмотря на все ее недостатки – излишнюю вспыльчивость, например, она могла оценить смешную ситуацию и отреагировать на нее должным образом. «Ну, ладно, – сказал отец, – когда ж отправитесь?». «А вот на майских и поедем, да, милая?» – это уже бабушка обращалась ко мне, чтобы проверить, как я отреагирую, но я-то заранее знала обо всем и отреагировала соответствующе – то есть обрадовалась.

II.

Как же было приятно планировать путешествие! Мы с бабушкой целыми днями сидели над моим айпадом, выбирая отель, заказывая билеты, для меня это стало первым самостоятельным путешествием в жизни. В том смысле, что я впервые заботилась о технической стороне дела. В предыдущих поездках всем занимались, конечно, родители. Мы с бабушкой выбрали небольшой трехзвездочный отель в центре, на виа Кальцайуоли. Было чудесно читать странные и поэтичные названия улиц – виа Фаэнца, виа Фьюме, виа Ларга, и знать, что скоро они станут реальностью. Лететь решили прямо во Флоренцию, хотя этот рейс был с пересадкой через Франкфурт. Бабушка хлопала в ладоши, как девочка, и восклицала: «Ты подумай, как звучит – аэропорт Перетола имени Америго Веспуччи». Мне смутно припоминались уроки географии, я подозрительно смотрела на бабушку: «Что, бабуля, он тоже был из Флоренции?» «Да, девочка, и поэтому его именем, которое теперь, кстати, носит Америка, назван флорентийский аэропорт». У бабушки выходило так, что все великие люди во Флоренции родились или, по крайней мере, в этом городе жили, или имели к ней какое-то отношение. Но, в общем, я понимала, что она права, даже два-три имени из обширного бабушкиного списка составили бы славу любого города: Леонардо, Микеланджело, Галилей. «Ты забыла еще Джотто, Данте, Боттичелли», – как бы прочитав мои мысли, вставляла бабушка. В результате всего этого мне

стали сниться удивительные сны. Например, мы приезжаем с бабушкой в гостиницу, заходим на рецепш, спиной к нам у стойки стоит человек с длинными седыми волосами, в берете, услышав звук колокольчика, он оборачивается, и я вижу перед собой ласково улыбающегося Леонардо. Он открывает огромный талмуд и произносит: «Так как говорите вас зовут? Синьоры Токарские?» Мы с бабушкой дружно киваем. Улыбка сползает с лица Леонардо, и он произносит: «Нет таких». Я просыпаюсь. За незашторенным окном льет свет луна. Диск почти полный. Лунный свет серебрит весеннюю грязь под окнами, верхушку березы, которую мы посадили с дедом, когда мне было пять лет. Тихо иду за водой на кухню, слушая бабушкино дыхание. Она не храпит, только тихонько посапывает, интересно, что ей снится? Самолет? Гостиница? Флорентийские улицы или дедушка, с которым она была во Флоренции в последний и единственный раз?

Дедушка, по рассказам бабули, реагировал на Флоренцию странно. Ему было постоянно обидно в Италии, что эта вот земля, благодатная, теплая, зацветающая по весне нарциссами и в октябре фиалками, досталась итальянцам, а не русским людям. «Почему им, а не нам?», – все время вопрошал он бабушку. И потом – ему было обидно, что люди в Италии живут лучше. Он не мог не признать этого. Когда их повели на экскурсию в универсам Соор, с ним чуть ли не случился сердечный приступ, он увидел изобильные мясные прилавки, разноцветные, как из рога изобилия, горы фруктов и

овощей, ряды бутылок с вином. Бабушка говорит, что до сих пор перед глазами у нее стоит его растерянное лицо. Он сердился на жену, которой не было дела до всего этого, она четко знала, за чем едет в Италию – за красотой, за Уффици, за Боттичелли и Леонардо.

На ласточке мы добрались до Москвы. Нас встретили встревоженные родители – в первый раз мы отправлялись с бабушкой в путешествие самостоятельно. Вопреки логике папа совал нам в руки пирожки и жареное мясо. «Вот, в аэропорту поедите». «Папа, когда? У нас и времени-то не будет» Но добрый и упитанный мой отец ничего не хотел слышать. Не смогли мы с бабушкой поесть не по причине недостатка времени, а потому что обе волновались, очень. У нас с бабушкой есть такая особенность: когда мы с ней чем-то взволнованны, мы не можем принимать пищу, совсем. Она рассказывала мне, как почти ничего не ела в первые дни романа с дедушкой.

К стойке регистрации стояли вместе с нами и итальянцы. Бабушка радостно прислушивалась к звукам их речи и вдруг, стараясь сохранять спокойствие, зашептала: «Ира, смотри, вон один из “Рикки и повери”, ну, вон, старый, с усами, ну, ты что – не знаешь?» Я посмотрела туда, куда показала мне бабушка: пожилой, лысеющий, довольно низенький итальянец оживленно о чем-то разговаривал с другим. Лицо мне его ничего не говорило, о чем я и сообщила бабушке. «Ну, как же? Знаменитая итальянская группа». «Бабуш-

ка, когда знаменитая? В прошлом веке?» Бабушка тихонько засмеялась: «Ну, да, ну, да, Ирочка, прости, я иногда забываю, сколько тебе лет». Бабушка нередко забывала и сколько лет ей. Это проявлялось в слишком живых не по возрасту реакциях, в хлопаньи в ладоши, хихиканье, в том, что она вела себя со мной, как подружка. Да так оно и было. При моем достаточно нелюдимом и стеснительном характере подруг у меня было мало, и самым лучшим собеседником и советчиком для меня оставалась бабушка. С удивлением и внутренним торжеством слушала я рассказы одноклассниц о том, как их не понимают родители, как бабушка гоняла одну из них полотенцем, а на другую ругалась непонятным ругательством: «Проститутка твою душу мать».

Бабушка специально попросила для меня место у окна. Она знала, что я люблю наблюдать из самолета за всем, происходящим за бортом. Знала, что меня приводят в восторг бесконечные секвенции облаков – то розовых, то голубых, то дымно-серых. Садись мы уже когда было темно. Маленький самолетик трясло и шатало, потому что над Флоренцией был сильный ветер. Швед, до этого читавший, отложил книгу и перекрестился. Но мне не было ни до чего дела – я разглядывала внизу огни Флоренции. «Нет ничего красивее ночного города с самолета, особенно если он лежит у моря», – думала я про себя, привыкшая к частым посадкам в Анталии. Но здесь никакого моря не было, вернее, было – в часе езды отсюда, как мы потом узнали.

Когда я вышла из самолета, теплый воздух, пахнувший цветами, окружил меня, нежно защекотал ноздри и влился в легкие. Я остановилась, пораженная. Я думала, что это просто такая фраза: «В воздухе были разлиты ароматы цветов». Оказалось, что это реальность, как и многое другое чудесное, с чем предстояло встретиться впоследствии. Пока же реальностью была очередь к такси, которая, к счастью, быстро рассосалась. Мы ехали по ночной Флоренции, сначала современной, с высотками, как у нас, а затем влились в лабиринт узких улиц. На них галдела разноязыкая толпа, чувствовалось, что людям хорошо и весело в этом городе. Мне захотелось к ним, но я знала, что мы с бабушкой не будем ни при каких обстоятельствах разгуливать по улицам – хоть флорентийским, хоть римским, хоть московским в такое время. И на миг я пожалела, что приехала во Флоренцию в ее компании, хотя тут же устыдилась этой мысли. Бабушка жадно вглядывалась в полутемные улицы, на ее лице горело нетерпение, оно все так и вытянулось, и без того тонкий нос еще более заострился. Было видно, несмотря на все ее воодушевление, как она устала. «Ничего-ничего, Ирочка, сейчас выспимся, отдохнем, а завтра...»

III.

Завтра началось чудесно: я проснулась в маленькой комнате, через узкую прорезь в тяжелых занавесках светило солнце. Не наше – скромное, как бы украдкой заходящее в

дом, а настойчивое флорентийское солнце-вырвиглаз. Захотелось вскочить и раздернуть шторы, впустить его еще больше, подставить ему все, что есть, – руки, ноги, голову, купаться и нежиться в нем. Но я только потянулась и посмотрела на соседнюю кровать: бабушки не было. Из ванной неслись звуки аккуратных движений – чтобы не разбудить меня.

Через минуту бабушка вышла из ванной, уже накрашенная и причесанная.

– Вставай, Ирочка, мы же идем в Уффици!

В устах бабушки это прозвучало как минимум как «Мы идем на прием к английской королеве». Я быстро спрыгнула с кровати и побежала в ванную – к королеве, так к королеве!

За завтраком мы, правда, насладились сперва пищей вполне материальной, потому что съели по два чудесных хрустящих круассана и выпили по две чашки каппучино. А потом пошли через солнечный город к Уффици, благо, что идти было недалеко – немного пройти по Кальцайуоли и пересечь площадь Синьории.

Когда мы вышли на нее, то первое, что меня поразило, – это небо, необыкновенной глубины и яркости и вонзавшаяся в это небо высокая башня с зубцами. Тесная по российским меркам площадь была буквально забита статуями, фонтанами, ну, и, конечно, людьми. Высокая и обширная лождия справа вообще была перенаселена, в основном, мраморными персонажами. На их фоне выгодно выделялась бронзовая зеленоватая статуя.

– Бабушка, кто это?

– Это знаменитый «Персей» Бенвенуто Челлини.

– И чем это он так знаменит?

– А тем, что это одна из самых совершенных статуй шестнадцатого века и что на работу над ней ушло десять лет.

– Десять лет? Ничего себе.

Я всмотрелась в статую повнимательнее. Мне захотелось обозреть ее со всех сторон, и мы с бабушкой, кивнув по-дружески двум львам по бокам от лестницы, протиснулись к Персею через многочисленный народ. Он гордо сиял своими великолепными ягодицами.

– Посмотри, Ирочка, что видишь?

– Бабушка, ну что вижу? Попу Персея.

– Да нет, смотри выше, туда, где голова, затылок.

И тут мне открылось, что на затылке Персея, оказывается, тоже лицо – старое, с бородой, с глубокими морщинами.

– Ой, а кто это, ба?

– Это Бенвенуто Челлини собственной персоной. Такой вот автограф, кроме подписи на перевязи Персея.

С лоджии было хорошо видно суровое здание слева – палатцо Веккьо и чуть менее суровое справа – галерея Уффици, а между ними был небольшой перешеек, мостик.

– Ой, а это что, бабушка?

– Это, милая, начало коридора Вазари, который был построен в 1565 году всего за пять месяцев по повелению первого Великого герцога Тосканского Козимо I ди Медичи, и

связал старый дворец Палаццо Веккьо с новым за рекой – Палаццо Питти.

– А что – по земле нельзя было нормально перемещаться? Бабушка рассмеялась.

– *Нормально*, как ты говоришь, перемещаться было можно. Но в особых обстоятельствах эта дорога могла стать опасной.

– Какие это особые обстоятельства?

– Ну, например, заговор, восстание, ведь Медичи несколько раз до этого изгоняли из Флоренции и много раз пытались убить, так что такой путь бегства был просто необходим. Кроме того, коридор включил в этот маршрут и Уффици, на третий этаж которой, где только первоначально и находились коллекции Медичи, можно было попасть исключительно таким образом. То есть простым смертным вроде нас с тобой вход туда был заказан.

– То есть ты хочешь сказать, какое счастье, что мы сейчас можем попасть сюда совершенно беспрепятственно?

– Ну, конечно, милая. Но я вижу, что совсем беспрепятственно – нет, не получится.

Бабушка имела в виду то, что и очередь для тех, у кого уже был билет, растянулась почти до середины площади. Мы уныло устроились в ее конце, правда, шла она довольно быстро. И вот наконец мы, преодолев рамки металлоискателей, вошли в святая святых. За контролером билетов на входе сразу направо взмывала вверх огромная лестница.

– Бабушка, может быть, тебе будет тяжело подниматься?

Поедем на лифте?

– Нет, нет, Ирочка, я хочу подняться так, как поднимались при Медичи.

На втором этаже мы уперлись в роскошную дверь с гербами и черепахой, над панцирем которой торчал какой-то обломок.

– Ба, здесь явно чего-то не хватает.

– Молодец, девочка. Здесь не хватает паруса. Черепаха с парусом была личной эмблемой Козимо I, при котором было построено это здание.

Немного отдышавшись, мы поднялись на третий этаж и прошли два вестибюля – с портретами Медичи и другой, где над входом был бюст некрасивого человека с выпученными глазами.

– А это кто, бабуль?

– Это Пьетро-Леопольдо Габсбург-Лотарингский из династии, которая сменила Медичи на Тосканском троне. Это он открыл галерею для широкой публики в 1769 году.

Пройдя под суровым Пьетро-Леопольдо и преодолев еще один контроль, мы очутились в самом длинном и самом красивом коридоре на свете. Из дальнего окна слева бил солнечный свет, потолок, расписанный фресками, сиял красками, у стен и у окон величественно поднимались античные статуи. Восторг затопил мою грудную клетку и вырвался коротким возгласом. Бабушка, довольная эффектом, с улыбкой смот-

рела на меня.

– А? Ну, что, Ирочка?

– Бабуль, потрясающе, правда, ничего подобного не видела.

– Молодец, милая, восторг – самая правильная эмоция в Уффици, потому что это лучший на свете музей, запомни – лучший!

Я не очень люблю музеи. Правда, и похвастаться тем, что я видела много выдающихся музеев, я тогда не могла. Редкие походы с классом в музеи нашего города вызывали скуку. Экскурсоводы на одной ноте нудно и монотонно рассказывали о картинах, об оружии и исторических документах. Но этот музей бил в глаза, он представлял, как дама в пышном наряде, гордый своей красотой, он сверкал солнечным светом, он очаровывал. Хотелось стоять и бесконечно разглядывать все эти причудливые фигурки, выписанные на потолке, разбираться в хитросплетении орнамента, но бабушка уже пролетела вперед и звала меня из огромного зала, где на центральном месте царила или парила огромная алтарная доска с изображением Богородицы с младенцем.

– Джотто, – радостно выдохнула бабушка.

Какие-то смутные воспоминания зашевелились в душе, но не вызвали отклика, как и этот образ – странное суровое лицо с узкими глазами. Я поделилась своими наблюдениями с бабушкой.

– Да нет же, Ира, смотри, она улыбается!

– Ну, и что? В истории живописи полно улыбающихся нарисованных женщин.

– Да, но это начало XIV века, Ира, и это Богородица! Никто до Джотто не позволял себе так откровенно изображать улыбку Богоматери.

– Откровенно? – я с сомнением всмотрелась в едва намеченное движение губ.

– Да, да, посмотри, потому что через небольшое отверстие между губ видны даже зубы.

Подумаешь – зубы, тогда я не понимала, что Джотто был одним из революционеров в европейской живописи, что он впервые изобразил реальность, окружающий его мир. Иногда в стремлении сделать своих персонажей из плоти и крови он перебарщивал, и тогда возникали хорошо накаченные святые, например, в «Полиптихе» из Бадии, которые меня насмешили, смешат и сейчас. А вот один жест, запечатленный многодетным отцом Джотто (у него их было семеро) меня тронул: младенец со всей силой и любовью устремляется к матери и в этом стремлении приблизиться к ее лицу хватается за край ее одеяния.

В соседнем зале перед вычурным, но все равно прекрасным алтарным образом стояла толпа. Девушка-экскурсовод с горящими глазами требовательно вопрошала зрителей: «Как вы думаете, за что на этой картине было заплачена половина денег, выданных художнику?» Многие стали отвечать «золото», я тоже так подумала, но девушка, лукаво

улыбнувшись, сказала: «А вот и нет. Тогда на что? Обратите внимание, где сосредоточена в этом сюжете только одна краска?». И тогда люди стали отвечать «синяя, синяя», и девушка удовлетворенно кивнула и стала рассказывать про то, что действительно – синяя краска была самой дорогой, потому что привозилась только из Китая и Афганистана, и была предназначена для самых важных персонажей. Девушка жестом фокусника извлекла из кармана монету – ту самую, которой расплачивался заказчик – его звали Палла Строщи с художником – его звали Джентиле да Фабриано за «Поклонение волхвов» – так назывался образ. «Вот, смотрите, это флорентийская монета флорин, правда – красивая?» Экскурсанты, с обожанием смотревшие на гида, послушно закивали и потянулись, чтобы посмотреть монету. Я тоже, как зачарованная, смотрела на девушку – ничего особенного: темные волосы, карие живые глаза, горевшие невиданным энтузиазмом, курносый нос, пухлые губы. А девушка радостно общалась с туристами, пока они не перешли в следующий зал. Я подумала: «Вот как нужно! Нужно дарить людям радость, радость встречи с прекрасным, которого они не понимают. Вот я – стояла бы здесь и смотрела, как баран на новые ворота, на эту пеструю картинку, ничего не понимая ни про синюю краску, ни про Паллу, ни про раму, ни про похищенный Наполеоном фрагмент.» Мне хотелось подойти к чудесной девушке и поговорить с ней, спросить ее о чем-нибудь, но группа уже ушла вперед, и потом – я же понимала, что

она на работе.

Я увидела ее после – совершенно опустошенную на террасе Уффици. Она сидела и жадно пила воду, и в глазах ее была такая усталость, казалось, что из нее выкачали всю энергию. Она сидела, глядя в одну точку минут пять, потом с трудом поднялась и пошла к выходу из галереи. Впрочем – нет, не так, прежде, чем зайти вовнутрь, она бросила любовный взгляд на купол, видневшийся вдаль, на башню палаццо Веккьо, на голубое флорентийское небо. В этом взгляде были такая любовь и восхищение, что я поразилась. Как можно так любить, пусть и один из самых прекрасных городов на свете?! Но ведь и он же несовершенен, здесь очень жарко летом, как рассказывала бабушка, здесь много народу, в подвалах галереи Уффици воняет, здесь тоже есть попрошайки, воры и цыгане. И вдруг я поняла, что для девушки не существует ничего этого, что она не видит ничего, кроме своих картин и зданий. И меня поразили этот выбор, я позавидовала девушке, для которой работа была не просто средством зарабатывания денег, а любимым делом, любимым настолько, что оно вырастало до дела всей жизни, хотя девушка эта не была выдающимся ученым или врачом, спасающим жизни. Почему я завидовала? Да потому что я ни к чему такого интереса не испытывала. Я любила читать, но часто читала все, что попадалось под руку, бессистемно и без разбору. Ни один школьный предмет мне не нравился так, чтобы захотелось им заниматься серьезно, всю жизнь. Правда, можно бы-

ли предметы, которые вызывали стойкую неприязнь, – физика, химия, алгебра, то есть было ясно, что я гуманитарий, но вот какой именно?

В следующем зале была толпа. В основном люди стояли перед двумя картинами – Мадонной с младенцем и перед двумя расположенными друг напротив друга портретами довольно некрасивых людей. Мы с бабушкой не стали толпиться, она привела меня к другой картине, у которой никого не было. Картина показалась мне скучной: толпа народа и здесь, лица круглые и невыразительные. Но – стоп! А это что за невзрачный плешивый монах, который со скучающим видом, подперев голову рукой смотрел на нас? Я вопросительно посмотрела на бабушку. Бабушка принялась радостно вопрошать меня: «Ты заметила, да? Заметила?»

– Бабуль, что я должна была заметить?

– А то, что это и есть автор картины, знаменитый художник фра Филиппо Липпи.

– Вот этот – плешивый?

– Ира, пожалуйста, не говори так о нем, это был великий живописец, представляешь, когда он умер в Сполето, Лоренцо Великолепный ди Медичи, синьор Флоренции, послал делегацию со средствами для торжественных похорон и заказал эпитафию самому Анджело Полициано! Знаешь, как она звучала?

*Здесь я покоюсь Филипп, живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти – у всех на устах.*

*Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел – голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.
В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в низменный прах обращаюсь.*

История эта тронула меня, но оказалось, что бабушка только разминалась, и главный рассказ был впереди. Мы улучили момент, когда у знаменитой Мадонны по прозвищу *Липпина*, то есть написанная Липпи, никого не было, и подошли к картине. Бабушка рассказывала мне эту удивительную историю о похищении фра Филиппо своей возлюбленной Лукреции Бути из монастыря, о том, что эта картина была написана для Козимо Старшего Медичи за вмешательство в разразившийся скандал, а я стояла и смотрела, как в вечности плывут эти руки, как колышется вуаль, прикрывая нежное ушко, как мальчик с немного приплюснутым носиком игриво смотрит на нас. Мне впервые в жизни не было скучно в музее, меня впервые настолько тронула история художника, что захотелось немедленно бежать в отель, добыв предварительно книгу на русском языке о нем, и читать, читать еще и еще об этом удивительном человеке. Тем временем у соседней картины происходили вещи еще более примечательные. Та же самая девушка-экскурсовод, которая так меня поразила в предыдущем зале, теперь, стоя в профиль, закрывала билетом в Уффици правый глаз и, указывая себе

на переносицу, делала отпиливающие движения. Я бросила бабушку у Филиппо и устремилась, как оказалось, к двойному портрету герцогов Урбинских художника Пьеро делла Франческа, но сути сего перформанса уже не застала. Мне объяснила бабушка, что Федерико да Монтефельтро, изображенный на картине, был кондотьером – кем? «Ну, полководцем, понимаешь?» «А, ну, ладно».

– Так вот, у Федерико не было правого глаза, он потерял его в бою, и художник, чтобы не подчеркивать это уродство, изобразил его здоровым профилем.

– А при чем тут нос?

– А при том, что по преданию...

– То есть...

– Ну, никто не знает, правда этот или нет, он приказал себе выпилить часть носовой кости, чтобы иметь одинаковый обзор справа и слева.

– Вот ужас!

– Да, – согласилась бабушка, – но это показывает, как человек относился к делу. И пристально посмотрела на меня.

Наконец мы пришли в зал Боттичелли, бабушкиного любимца, в котором, казалось, меньше народу из-за его больших размеров.

– Посмотри, Ирочка, разве он не чудесный?

Чудесный – было любимым бабушкиным определением. Как я сейчас понимаю, это отражало ее отношение к миру, то есть его полное принятие и любование им. Мне эта бабуш-

кина черта нравилась, но я ее долго не понимала, потому что у меня с мироприятием были проблемы. Не то, чтобы в моей юной жизни случились какие-то ужасные события, просто мир пугал и временами раздражал, жизнь впереди казалась выкроенной по схеме, я не видела в окружающем особой красоты, все казалось мне обычным и почти скучным. Для бабушки же окружающий мир был полн тайн и загадок, и даже в самом простом предмете она видела красоту: не раз во время наших совместных прогулок она застывала над каким-нибудь причудливым листком или восхищалась цветом и формой облаков. В особую радость приводило ее все живое – птицы, бабочки, белки, когда в первый раз в жизни она увидела колибри, я думала, что с ней случится от восторга сердечный приступ. Несмотря на то, что птичка давно улетела, она все стояла над цветущим кустиком и ждала ее возвращения. Я думаю, это было ее своеобразным уходом от сложной жизни, войны в юности, не то, чтобы она была оторвана от реальности, нет, но стремилась изо всех сил не видеть уродливое, убогое, это касалось и ее отношения к людям.

Я думаю теперь, что этому отношению во многом она научилась у своего любимого художника. Только радость, только свет, только красота и нежность, а ведь он жил в прекрасный, но в то же время и жестокий век. Ведь он же был свидетелем заговора Пацци, при нем проповедовал Савонарола и претерпел мученическую смерть, на него несколько раз писались доносы, и все это привело к тому, что в конце жизни

светлый гений изменился, как и его картины, но пока... пока радостью и любовью к жизни, любовью вообще был наполнен каждый сантиметр картины, каждый цветок, каждый пальчик нимфы и каждый завиток волос.

Я помнила, что бабушка хотела рассказать мне историю, связанную с этой картиной, и хотела сделать это именно здесь.

– Это только одна из версий о происхождении и истории этой картины. Видишь этот роскошный цветущий луг, на котором ботаники находят более двухсот видов растений, изображенных Боттичелли с невероятной точностью? Так вот – одни из них, например, маргаритки, розы отсылают к радостным событиям, к свадьбе, а другие – папоротники, темные травы – к событиям трагическим, к смерти и подземному миру. Действительно, и с любовью, и со смертью эта картина связана. Считается, что заказывает ее около 1475 года Джулиано, юный, прекрасный брат Лоренцо Великолепного, для того, чтобы восславить свою возлюбленную, самую красивую девушку Флоренции Симонетту Веспуччи. Где здесь самая красивая девушка?

Я говорю: «Флора». «Правильно», – кивает бабушка.

– Так вот, в следующем году Симонетта умирает 23-х лет от роду от туберкулеза, а через два года, в 1478 году, в один день с нею – 26 апреля – погибает в соборе в результате заговора Пацци Джулиано – я тебе потом расскажу. И Боттичелли забрасывает работу над картиной и возвращается к ней

по просьбе самого Лоренцо Великолепного, когда в их семье и семье Симонетты происходит радостное событие – ее племянница выходит замуж за кузена Лоренцо, и эту пару Боттичелли изображает на картине. Где?

Я с радостью наблюдаю, как центральная грация, чуть рыжеватая, смотрит на Меркурия.

– Вот, вот, бабушка, вот они!

– Да, Ирочка, не кричи так. Теперь ты понимаешь, что изобразил художник? Почему эта картина была так дорога ему и семейству Медичи?

– Да, бабушка, я понимаю, он изобразил то, что хотел видеть в реальности – как Симонетта, пусть и в образе племянницы, соединяется с одним из Медичи – это как бы продложение ее земной жизни, ну, а в вечности он изображает ее прибытие в рай.

Бабушка с довольным видом кивает головой и смотрит на меня. Я горжусь собой, горжусь Боттичелли, горжусь тем, что я понимаю, и радуюсь тому, что такие вещи происходят на свете.

Мы с бабушкой подходим к «Рождению Венеры», у которого так любят фотографироваться китайцы. Бабушка объясняет мне сложный смысл этой кажущейся простой картины. Завершает она свой рассказ мастерски, достигая желаемого ею эффекта в виде моих слез и мурашек. Я использую этот бабушкин прием сейчас, когда работаю экскурсоводом, иногда он по-прежнему действует против меня. Но туристы

тоже плачут и покрываются мурашками, потому что я говорю:

– Посмотрите, вы видите, что этот образ несовершенен, например, у Венеры слишком опущено левое плечо, но, несмотря на это, Боттичелли удается создать один из самых пленительных женских образов, как вы думаете – почему? Правильно – потому что сам Боттичелли любил эту женщину и писал ее в каждой своей картине, где есть женские персонажи.

И тогда туристы обводят взглядом все картины в этом зале, всех Мадонн, Афины Палладу и убеждаются в моей правоте и правоте Сандро, который всю жизнь любил одну женщину. И тогда я делаю контрольный выстрел.

– Знаете, – говорю я, – эта история имела завершение в реальности: Боттичелли переживает Симонетту на 34 года и умирает бедный, больной и несчастный в 1510 году. В своем завещании он просит об одной только вещи – быть похороненным у ног прекрасной Симонетты. И теперь, – заканчиваю я рассказ, – они покоятся на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга во флорентийской церкви Оньиссанти.

А тогда бабушка сказала мне после того, как мы простояли перед «Венерой» время, достаточное, чтобы рассмотреть все завитки волос, складки роскошного покрывала, камыш внизу картины слева: «Пойдем, милая, я покажу тебе Сандро».

Мы пересекли следующий зал и подошли к не очень большой картине.

– Это поклонение волхвов. Видишь, волхвы, то есть восточные цари-маги, пришли поклониться родившемуся младенцу Иисусу. А среди толпы Боттичелли изобразил Медици, заказчиков и себя.

Теперь я увидела того, на кого показывала бабушка. Молодой человек в широком плаще, смотрящий прямо на зрителя, кудрявый, с резко вырезанной, похожей на дугу лука, верхней губой, с ямкой на подбородке. «Как у меня», – подетски обрадовалась я. Лицо это показалось мне удивительным и, сколько я потом ни видела автопортретов художников и вообще портретов, ни один не вызывал у меня таких чувств – любви, жалости, восторга, умиления, нежелания верить, что этого человека больше нет. По крайней мере, здесь. И невероятного сожаления по этому поводу. Мне хотелось бы видеть, как он идет по улице в своем желтом плаще, широко шагая, перескакивая через лужи, мне хотелось бы видеть, как кто-то нагнал его, остановил – пусть не я, как он улыбается и хлопает знакомца по плечу или кланяется – не важно. Мне просто хотелось бы видеть его, живым, всегда. И молодым – таким, как на этой картине.

IV.

В зале было шумно, потому что через него тянулась огромная очередь.

– Бабушка, куда это они стоят?

– О, деточка, чтобы увидеть самую красивую комнату в Уффици. Она называется трибуна.

Я сразу представила себе место на Мавзолее, которое видела в советской кинохронике, вялых вождей в барашковых шапках пирожками, и в голове у меня возникла некоторая путаница. «А это тут причем?» Я представила себе Медичи, роскошно одетых, стоящих на балконе своего дворца и приветственно машущих толпе, проходящей по улице. Между прочим, как я знаю теперь, так оно почти и было. Но при чем трибуна здесь? Где здесь проходить толпе? Я поделилась своими мыслями с бабушкой. Она рассмеялась:

– Ирочка, слово *трибуна* в современном русском языке имеет такое значение, а в античности трибуной называли архитектурный элемент в виде огороженного пространства, и не обязательно на возвышении.

Мы дождались своей очереди, чтобы взглянуть на странную восьмиугольную комнату. «Ничего особенного», – подумала я, оглаживая бархатные стены ягодного цвета, мраморный пол, и тут я посмотрела наверх: весь купол был выложен перламутровыми ракушками, их было много, очень много – 3200, как сказала мне бабушка, их специально добыли со дна Индийского океана. Раковины эти в сложном символическом убранстве трибуны представляли воду. Напротив некогда главного входа в Трибуну (потому что теперь он закрыт) стояла статуя Венеры Медичи. У нее все было на

месте, и руки тоже.

– Да, милая, а также накрашенные губы и волосы, и сережки в ушах, и браслет на левой руке.

– О, да она была красотка!

– Да, деточка, она прекрасна и сейчас, а представь себе тогда, в первом веке до нашей эры, стояла она сияющая и раскрашенная в доме у какого-нибудь патриция. Если бы ты знала, какие восторги возбуждала она, и в скольких людях! Среди ее поклонников были Байрон, Наполеон и многие другие.

Мы подошли к окну, которое выходило на реку, из него был виден южный высокий берег Флоренции – коста Сан Джорджо с большим зеленым пятном – садами Боболи и игрушечным домиком мятного цвета – Кофе хаусом – постройкой в садах, где гуляющие по саду Великие герцоги Тосканские со свитой могли откусать кофею.

– Разве из какого-нибудь другого музея на свете открывается такой вид?

Я вспомнила Пушкинский музей в Москве и Третьяковку, которые отсюда казались мне вообще безоконными, вид на внутренний дворик с цветущими тюльпанами из окон Эрмитажа и честно ответила:

– Насколько я могу судить по моему очень небольшому опыту – нет, ведь я видела только три крупных музея, и только русских. Это мой первый зарубежный музей.

– Я надеюсь, деточка, что ты увидишь еще много-много

прекрасных музеев, но этот останется первой любовью.

Бабушка оказалась права: впоследствии я видела много знаменитых музеев – и Лувр, и Прадо, и Венский музей истории искусств, но этот остался навсегда самым любимым. Конечно, потому, что я увидела его первым, и потому, что теперь он стал для меня знакомым настолько, что я с закрытыми глазами могу провести по нему экскурсию. Но любовь не застит глаза объективности, потому что я считаю, что это лучший музей на свете, где счастливо сходятся и архитектура, и природа, и богатство коллекций, и многие другие факторы, которые делают его неповторимым и единственным. Если бы вы знали, как прекрасны в розовых февральских сумерках совершенно ПУСТЫЕ коридоры Уффици, когда ты остаешься один на один с этой великой галереей. И можно никуда не торопясь сидеть под ее сводами и рассматривать гротески на потолке, детали на картинах, стоять в пустых залах без раздражения и гнева на то, что тебя толкнет неумный китаец или группа крикливых итальянок будет высказывать свое псевдоавторитетное, абсолютное дурацкое мнение о той или иной картине.

Экскурсоводу очень тяжело не стать мизантропом. Например, когда ты изо всех сил стараешься, рассказываешь весело, интересно, как тебе кажется, и видишь совершенно ватные или стеклянные лица, скрытые или нескрываемые зевки, тебе становится чертовски обидно. И не только за себя, но и за Боттичелли с Мазаччо, за Рафаэля и Леонардо.

Тебя охватывает почти неконтролируемый гнев, когда ты видишь, как немецкий турист цапает за ногу Мадонну Микеланджело, как американцы нагло снимают со вспышкой и еще и орут при этом, как оглашенные. Тебе хочется выругаться и оттолкнуть китайца, который тебя, гида, подвинул, чтобы сфотографироваться на фоне Венеры. Но ты не можешь! Потому что ты на работе! Потому что твоя главная задача – лечь костыми, но оставить у людей приятное впечатление об этом музее, о Флоренции. Поэтому ты с напором, внушающе улыбаешься и тащишь на себе дальше брыкающихся детей, скучающих мужиков, у которых в голове уже вырисовался бокал вина с куском стейка, безразличных подростков, заявляющих, что Уффици – это кладбище картин. Но! У меня есть прекрасное качество: я никогда не злюсь на туристов, это не профессионально, а стало быть – вперед с нашей вечной песней о красоте!

Красота в Уффици везде: внутри и снаружи, чем лично для меня этот музей очень привлекателен. И самый лучший вид, конечно, открывается из малого окна второго коридора, через стекла которого, захватанные туристическими пальцами, виден главный мост Флоренции, ее сокровище, ее первая любовь – Понте Веккьо. Разноцветные домики с зелеными и голубыми ставенками лепятся к нему там и тут, к некоторым пристроены даже балкончики, увитые диким виноградом. Тогда это зрелище поразило меня:

– Бабушка, там что – живут?

– Нет, что ты, это ювелирные лавки.

– А как бы было здорово.

– Не думаю, милая – сырость от реки, крохотные комнатки, низкие потолки.

– Ба, ты что – там была?

– Нет, что ты, просто у меня тоже хорошее воображение.

– И все-таки, представляешь, как чудесно было бы просыпаться под плеск воды вот таким солнечным утром.

– А если не солнечным? А если холодным и пасмурным ноябрьским.

– Ну, да, ноябрь – он и в Африке ноябрь.

– Да, а тем более в истории Флоренции это был самый страшный месяц, 4 ноября 1966 года произошло знаменитое наводнение.

– Почему знаменитое?

– А потому что самое разрушительное в истории – в некоторых местах вода поднялась до уровня второго этажа, оказались залитыми церкви, Национальная библиотека, погибло огромное количество произведений искусства и книг. И тогда на помощь Флоренции пришли так называемые «ангелы грязи» – молодые люди, приехавшие со всех концов Земли на помощь городу. Они часами стояли в резиновых сапогах в воде, доставали из нее книги и иконы, чтобы отмыть их от грязи и мазута и отправить на реставрацию.

Я представила себя стоящей в резиновых сапогах по колено в воде – брр. Но яркое солнце за окном разрушило мою

неприятную фантазию, и казалось, что этого просто не может быть, что во Флоренции всегда солнце.

Отойдя от окна, мы увидели стрелку, на которой было написано «Leonardo», и устремились в людском потоке в зал, в котором стоял нескончаемый гул из-за большого количества народа – все желали видеть картины, может быть, самого знаменитого художника на свете. Слева висела картина «Крещение Иисуса», которую, как сказала мне бабушка, написали четыре художника.

– Как это?

– Понимаешь, Вероккьо, флорентийский скульптор, художник и ювелир, дал задание двум своим великим ученикам потренироваться, набить руку – изобразить двух ангелов в этой сцене. Я тебе подскажу, что этими учениками были Боттичелли и Леонардо. Как думаешь – кто изобразил какого?

Я посмотрела на двух ангелов, правда, почему-то без крыльев, и указала на правого:

– Вот это, бабушка, Боттичелли.

– Bravo, деточка, как ты это поняла?

– По ручкам. Понимаешь, я заметила, что Боттичелли особое внимание уделяет рукам, и здесь – смотри – руки выписаны очень тщательно.

Бабушка сказала:

– Ты делаешь успехи. Ну, а второго слева написал уже Леонардо, уже здесь он применил особую технику, которую

потом назвали «сфумато леонардеско».

– Как-как?

– Сфуматура, растушевывание. Видишь, как он стремится стереть грань, контур, отделяющий человека от окружающего мира, полностью вписать его в него.

– Кого во что вписать?

– Ну, в общем, человека в окружающий мир, природу. Современные исследования показывают, что он мог наносить слои краски меньше, чем миллиметр, представляешь?

– А четвертый? Кто был четвертый?

– К счастью для него, его имя история не сохранила.

– Почему это к счастью для него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.